

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ СПАСО-ЕВФРОСИНИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В НАРРАТИВАХ XIX в.¹

В. И. Короневский

*Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия 5, 199034,
г. Санкт-Петербург, Россия, iliich2000@mail.ru*

В работе рассматривается эволюция представлений о месте Спасо-Евфросиниевского монастыря в истории Полоцка, Белорусской земли и православия в целом в источниках XIX в. Автор предпринимает попытку показать, как православные интеллектуалы указанного периода, переосмысливая прошлое Полоцкой обители, помещали его в более широкий исторический контекст и превращали монастырь преп. Евфросинии в символ и своеобразный «индикатор» изменения положения православия в стране.

Ключевые слова: Полоцк; Спасо-Евфросиниевский монастырь; Спасо-Преображенская церковь; Евфросиния Полоцкая; православие.

THE ELABORATION OF IDEAS ABOUT THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF SPASO-EUPHROSINIEVSKY CONVENT IN THE NARRATIVES OF THE 19th CENTURY.

V. I. Koronevskii

*St. Petersburg State University, Mendeleevskaya linia 5, 199034, St. Petersburg, Russia,
iliich2000@mail.ru*

The elaboration of ideas about the role of Spaso-Euphrosinyevsky convent in the history of Polotsk, Belarusian land and the Orthodoxy in general in the 19th century is discovered in the article. The author tries to show how the Orthodox intellectuals of that period rethought the Polotsk monastery past and place it into the wider historical context, and converted the convent into the symbol and the marker of the changes of the position of the Orthodoxy in the land.

Keywords: Polatsk; Spaso-Euphrosinyevsky convent; Spaso-Preobrazhenskaya Church; St. Euphrosyne of Polatsk; Orthodoxy.

В истории православия на белорусских землях и, в частности Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, одним из определяющих периодов стал период 1830-х – начала 1840-х гг. В 1832 г. основанная преподобной Евфросинией Спасо-Преображенская церковь была изъята из ведения католиков и возвращена православным. В 1841 г., спустя два года после Полоцкого собора, была возрождена и сама обитель, а еще через год в Спасо-Преображенский храм была возвращена и главная из связанных со святой реликвий – созданный по ее заказу напрестольный крест. В

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): «RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

дальнейшем, в то время как полоцкое духовенство и местная православная интеллигенция пытались добиться возвращения в Полоцк из Киева мощей преподобной княжны, монастырь отстраивался и укреплял свою репутацию одного из главных центров православия на восточных землях бывшей Речи Посполитой. Развитие монастыря и популяризация культа его основательницы подготовили благоприятную почву для попыток отразить непростую историю обители и попытаться определить ее место в истории Церкви, региона и страны.

Однако новая концепция истории монастыря, порывающая с взглядами униатских авторов вроде И. Стебельского, интерпретировавших обитель и связанных с ней святых как один из главных символов исконной связи Полоцка с католицизмом [10], начала оформляться еще до 1832 г. В 1817 г. архимандрит Богоявленского монастыря Макарий от имени горожан Полоцка подал Могилевскому и Витебскому архиепископу Даниилу (Натток-Михайловскому) рапорт, в котором утверждал необходимость передачи Спасо-Преображенской церкви в ведение православных. По мнению архимандрита, в 1812 г. во время боев за Полоцк через храм было явлено чудо: «здания каменные сооруженные иезуитами в прах до основания разрушены, сия же святою рукою вооруженною церковь осталась от всех неприятельских орудий невредима, и чрез приносимые к оной молитвы исторгнут Город Полоцк из рук неприятеля». Утверждение о необходимости сохранения памяти о русских воинах, погибших в годы войны, Макарий совместил с постулированием особого сакрального значения Спасо-Преображенской церкви: даже находясь в руках «езуитов», она все равно оставалась под особым Божиим покровительством, а потому должна была быть скорее возвращена православным христианам [5, л. 42–43 об.].

В 1817 г. прошение Макария ни к чему не привело, однако некоторые высказанные им идеи оказались актуальны спустя 15 лет, когда основанная св. Евфросинией церковь все-таки была передана православным. На данный момент исследователям доступно два текста, содержащих оформленный взгляд на историческое значение храма и отчасти развивающих мысли, высказанные архимандритом: небольшое историческое исследование, вышедшее из-под пера протоиерея Иоанна (Григоровича), и, особенно, торжественное слово по случаю повторного освящения Спасо-Преображенской церкви, произнесенное профессором Полоцкой семинарии А. Скворцовым.

Иоанн (Григорович), уделяя большое внимание реликвиям Спасской обители, стремится увидеть в возрожденном храме уцелевшие следы эпохи преподобной Евфросинии, связывающие благочестивую древность с современностью, когда «соседние поселяне, с отторжением иноверными сей обители принужденные в несчастное время силою и прельщениями изменить вере отцов своих, ныне паки охотно обратились к истинной Церкви» [3, с. 162–168]. Разделяют указанные эпохи столетия «прельщения» и «измены вере отцов», соответствующие периоду пребывания монастыря в руках католиков.

Трехчастная схема истории храма, слабо акцентированная в творчестве протоиерея Иоанна и развитая следующими поколениями православных историков и публицистов, присутствует и у А. Скворцова. Последний соотнес судьбу Спасо-Преображенской церкви с историей Храма, основанного Соломоном. По его мнению, когда св. Евфросиния, «подобно Царю Израильскому», основала Спасо-Преображенский храм, благочестивые предки полочан были верны православию, и потому им сопутствовала «помощь от Господа и милость от Вышняго». Однако затем, как утверждает автор, православные, подобно древним евреям, «оставили веру отцов своих и приняли веру, нравы и язык иноплеменников, их поработивших», в результате чего святой храм был осквернен. Исповедники истинной веры «были уже так малочисленны, как класы, ускользнувшие из-под серпа жнецов». Теперь же, в 1832 г., храм возродился, чтобы быть Новым Сионом, к которому стекутся «расточенная чада православная наша церковь» [9, с. 322–327]. Таким образом, А. Скворцов постулировал связь между состоянием Спасо-Преображенской церкви и положением православной веры в Полоцке. Последовавшее за длительным периодом осквернения и запустения восстановление храма, по мнению автора, должно было знаменовать и общее возрождение православия на берегах Двины.

В 1840-х – 1870-х гг. проблема исторической роли Спасо-Евфросиниевского монастыря в текстах, посвященных преподобной, уходит на второй план. Большой акцент делается на реликвиях, связанных с Евфросинией: ее кресте [8] и пребывавших в Киеве мощах [7], частица которых была перенесена в Полоцк в 1871 г. Однако уже в 1880-е – 1890-е гг., когда православные интеллектуалы Российской империи вдохновлялись концептом «Святой Руси» [11] и прославляли 900-летие Крещения [1, с. 148–294], Спасский монастырь и его прошлое снова стали

восприниматься как значимый символ, играющий, к тому же, нетривиальную историческую роль.

Полоцкие и витебские публицисты этого периода, в отличие от своих предшественников, начали воспринимать историю Спасо-Евфросиниевского монастыря не только как отражение состояния православия в Полоцке: теперь речь шла о белорусской земле и белорусском народе, понимаемом в духе «триединой русской народности». Так, к примеру, полоцкий священник Николай (Околович) в торжественном слове, произнесенном в 1891 г., выдвинул тезис, согласно которому Спасский монастырь – это «так сказать, наш Белорусский Вефиль» [6, с. 707–712]. Сравнение с Вефилом, с одной стороны, как отмечает сам автор, должно было обозначить обитель как «место особого присутствия и благоволения Божия» [6, с. 711], поскольку именно там Иакову явилась лестница, соединяющая землю и небеса (Быт. 28:12), а впоследствии он основал здесь жертвенник Господу (Быт. 35:7). С другой стороны, Вефиль в дальнейшем стал одним из мест поклонения ложным богам и ассоциировался с беззаконием (Ам. 4:4), так что Бог устами пророка Амоса предрекал отмщение «на трéбищихъ веѳилихъ» (Ам. 3:14). Последнее обстоятельство дает основание утверждать, что, с точки зрения Николая (Околовича), период пребывания Спасского монастыря в ведении Православной церкви соответствует благословенным временам праотца Иакова – в это время обитель была местом особого благоволения Божия. Период нахождения монастыря в руках католиков, соответственно, является эпохой «беззаконий» и «требищ». Однако теперь монастырь очищен от следов католицизма и снова служит местом особого присутствия Божия и центром возрождения православия в Республике Беларусь.

Похожих взглядов придерживались и другие полоцкие православные авторы. Так, протоиерей Михаил (Дубровский), в статье об освящении в 1897 г. нового Крестовоздвиженского собора Спасо–Евфросиниевского монастыря утверждал, что «обитель пр. Евфросинии – это священный памятник древнего благочестия белоруса, его единства с великим православно-русским народом, напоминающий ему в то же время и о его тяжелой минувшей доле, в течение более 200 лет страдавшего под игом Польши» [4, с. 3–4]. А священник Владимир (Альбицкий) писал, что некогда подпавшая «вместе с остальной Белоруссиею под власть католической Польши» и пришедшая в упадок Спасская обитель, в итоге вернулась под крыло православной России, а ныне возрождается и «вступает в дальнейший жизненный путь, горячо желая одного: примером

добрый, благочестивой жизни и деятельности принести посильную пользу родному краю и дорогому отечеству» [2, с. 6–12].

Таким образом, в течение XIX в. усилиями православных авторов (преимущественно, полоцких и витебских) представления об особом сакральном значении Спасо-Евфросиниевского монастыря, которые, по-видимому, сохранялись даже в период его пребывания под контролем католиков, постепенно трансформировались в достаточно оформленную концепцию, в рамках которой история обители воспринималась как символ и в то же время своеобразное зеркало, в котором отражалась судьба православия на Полоцкой, а потом и в целом на Белорусской земле.

Библиографические ссылки

1. Буслаев А. И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. М., 2011.
2. Владимир (Альбицкий), священник. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. Краткий исторический очерк Спасской обители: ее прошлое и настоящее. Витебск: Губернская типография, 1897.
3. Иоанн (Григорович), протоиерей. Известие о древнем храме Христа Спасителя, построенном в XII веке преподобною Евфросиниею, близ Полоцка // Сочинения духовного содержания протоиерея Иоанна Иоанновича Григоровича. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1862. С. 162–168.
4. Михаил (Дубровский), протоиерей. Новый храм // Витебские губернские ведомости. 1897. № 61. С. 3–4.
5. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 204.
6. Николай (Околович), священник. Слово на день преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, сказанное 23 мая 1891 г. в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре // Полоцкие епархиальные ведомости. 1891. № 15–16. С. 707–712.
7. О принесении части святых мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. Витебск: Типография А. Г. Малкина, 1871.
8. Сербинович К. С. Исторические сведения о жизни Преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители. СПб.: Синодальная типография, 1841.
9. Скворцов А. Слово, произнесенное Полоцкой греко-униатской семинарии профессором, магистром Арсением Скворцовым 7 августа 1832 г. при освящении храма Преображения Господня, созданного Преподобною Евфросиниею княжною Полоцкою в 1160 году // Полоцкие епархиальные ведомости. № 13. С. 322–327.
10. Stebelski I. Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim z cieniów zakonnych powstające czyli żywoty śś. panien i matek Ewfozyny i Parascewii zakonnic i hegumenij. T. 2. Lwów: Xięgarnia Zelmana Iгла, 1866.
11. Strickland J. The Making of Holy Russia: The Orthodox Church and Russian Nationalism Before the Revolution. Jordanville, New York: Holy Trinity Monastery, 2013.